

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ¹⁾.

XVI. Добрыня и рѣка Смородина.

Былинному репертуару Олонецкой губерніи неизвѣстна гибель Добрыни въ рѣкѣ Смородинѣ. Единственная пѣсня съ этимъ содержаніемъ была записана Языковымъ въ Симбирской губерніи, въ г. Сызрани²⁾). Въ этой пѣснѣ погибающій въ рѣкѣ молодець названъ Добрыней Никитичемъ. Между тѣмъ пѣсни, весьма сходныя по общему содержанию и подробностямъ, но въ которыхъ вмѣсто Добрыни Никитича находимъ безымяннаго добра-молодца, встрѣчаются нерѣдко. Намъ извѣстны: одна пѣсня изъ Симбирской губерніи³⁾), одна изъ сборника

¹⁾ См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXII.

²⁾ См. Кирѣевскій – II, стр. 61–63.

³⁾ См. Кирѣевскій – VIII, стр. 3–5.

Кирши Данилова⁴), три изъ Олонецкой губерніи⁵). Является вопросъ, какъ смотрѣть на пѣсню Языкова съ именемъ Добрыни Никитича: есть ли это былина въ общепринятомъ значеніи этого слова, или пѣсня безымянная, въ которую только введено въ послѣдствіи имя Добрыни Никитича, придавшее ей видъ былины?

Для рѣшенія этого вопроса рассмотримъ содержаніе симбирской пѣсни и однородныхъ съ нею. Прежде всего отмѣтимъ, что зачаломъ ей служить небольшая пѣсня о рожденіи царевича (Петра), сопровождающемся тѣмъ, что нянюшки—мамушки всю ночь не спали, но сшили для новорожденного одѣяльце, а плотники—мастера всю ночь ему колыбельку строили. Такое—же зачало находимъ въ другой тоже сызранской пѣснѣ, записанной Языковымъ, въ которой вмѣсто Добрыни упоминается просто добрый—молодецъ. Объ пѣсни, извѣстныя въ одномъ и томъ же уѣздѣ, конечно,

⁴) См. Кирѣвскій — VIII, стр. <11—13>.

⁵) См. Кирѣвскій — VIII, стр. <10—11>. Рыбниковъ — № <?>, Гильфердингъ. № <?>

сводятся къ одной. Начало, не представляющее тѣсной связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ, случайно въ Сызранскомъ уѣздѣ прикрѣпилось къ пѣснѣ о гибели молодца въ рѣкѣ Смородинѣ. Пѣсня о рожденіи царевича Петра извѣстна и отдѣльно⁶, но это пѣсня короткая, и, быть можетъ, потому сплотилась въ Сызранскомъ уѣздѣ съ другою, что нерѣдко случается съ короткими и пѣснями и былинами. Такой спайкѣ, быть можетъ, содѣйствовало тождество напѣва этой пѣсни съ другою, но за отсутствіемъ записаннаго «голоса» мы не можемъ этого сказать положительно. Какъ бы то ни было, нельзя согласиться съ Безсоновымъ, который, предполагая, что народная пѣсня о молодцѣ, уѣзжающемъ на чужую сторону и погибающемъ въ рѣкѣ Смородинѣ, приурочена къ путешествію Петра за границу, помѣстилъ разсматриваемую пѣсню подъ рубрику: *Рожденъе, первые годы и отъѣздъ (Петра) на чужую сторону*).

⁶) Напр. Кирѣевскій („Кирша Данидовъ”) — VIII, стр. 1—2.

⁷) Вып. VIII, стр. 3.

За 1-й частью пѣсни, или точнѣе за первой пѣснью, случайно прикрѣпившейся, слѣдуетъ вторая, имѣющая свое *зачало* съ обычнымъ сравненіемъ:

Отломила вѣточка отъ садовой отъ яблони,

Откатилось яблочко...

Отѣзжаетъ сынъ отъ матери

На чужу дальну сторонушку, за рѣку за Смородину.

Подѣхавъ къ рѣкѣ, Добрыня спрашиваетъ ее:

Охъ ты, рѣчушка, рѣчушка,
Мать быстра рѣка Смородина!
Широкимъ ты не широкая,
Глубокимъ ты не глубокая!
Есть ли на тебѣ, на рѣчушкѣ,
Переходы—то частые,
Переброды—то мелкіе?

Рѣка отвѣчаетъ человѣческимъ голосомъ — «душей красной дѣвицей», что на ней нѣтъ переходовъ, перебродовъ, но есть далеко два мосточка *кашиновыхъ*. Добрыня спрашиваетъ, что рѣка беретъ за

перевозъ. Смородина говорить, что беретъ «по добру коню наступчату, по сѣделечку черкасскому, по удалу добру молодцу», но его и такъ перепустить за его слова ласковыя, поклоны низкіе. Добрыня перебрель благополучно и сталь надъ рѣкой насмѣхаться:

«Сказали про рѣчушку,
Сказали про быструю,
Что эта рѣчушка
Широкимъ широкая,
А глубокимъ глубокая:
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калужина!»

Смородина просить его вернуться, такъ какъ онъ позабыль на другой сторонѣ два ножа булатныхъ.

Онъ на перву ступень ступиль,
Онъ добра коня потопиль;
Онъ на другую ступень ступиль,
Сѣделичко черкасско потопиль;
На третью ступень ступиль,
Самъ тутъ утонуль.

Гораздо полнѣе по содержанию, мотивировкѣ дѣйствія и деталямъ два пересказа, записанные въ Олонецкой губерніи и представляющіе одну редакцію⁸. Пѣсня открывается описаніемъ «безвременья» молодца, побудившаго его уйти въ чужую сторону:

Богъ молодца не милуетъ,
Государь молодца не жалуетъ,
Друзья—братья—товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
И нѣтъ на молодцѣ ни чести, похвалы
молодецкія⁹).

Еще пространнѣе то—же начало развито въ пѣснѣ однородной у Кирши Данилова. Здѣсь выведенъ сначала контрастъ прежняго положенія молодца и нынѣшняго:

Когда было молодцу пора—время великое
Честь—хвала молодецкая,
Господь—Богъ миловаль, государь—царь
жаловаль,
Отець—мать молодца у себя во любви
держаль,

⁸) Рыбн. I. № <82> и Гильф. № <263>.

⁹) Рыбн. I, стр. <???.>.

А и родъ–племя на молодца не могутъ
насмотрѣтиса,
Сусѣди–ближніе почитаютъ и жалуютъ,
Друзья и товарищи на совѣтъ сѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Они про службу царскую и про службу
воинскую.

Затѣмъ описывается «безвременье»:

А нынѣ ужъ молодцу безвременье великое:
Господь–Богъ прогнѣвался, государь–царь
гнѣвъ взложилъ,
Отець и мать молодца у себя не въ любви
держатъ,
А и родъ–племя молодца не могутъ и
видѣти,
Сусѣди–ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья–товарищи на совѣтъ не
сѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку
думати,
Про службу царскую и про службу
воинскую.

Далѣе въ обоихъ олонецкихъ вариантахъ,
помимо немилости государя и ея

послѣдствій, приводится еще и другая причина къ отъѣзду молодца: женитьба на нелюбимой, хотя и богатой женѣ:

Жениль—то его родной батюшка
На чужой на дальной сторонущкѣ,
И бралъ за женою приданаго
Три черленыхъ три корабля:
Первый грузонъ корабль златомъ и
серебромъ,
А другой грузонъ корабль скатнымъ
жемчугомъ,
А третій грузонъ корабль женинымъ
приданыимъ.

Туть—то добру—молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.
Бралъ онъ себѣ добра—коня наступчива,
И сѣдельшко черкасское, и плетку
шелковую;

Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
Лучше мнѣ сѣделко черкасское всего
женинаго приданаго,
Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой
жены».

Да взялъ—то съ собою добрый молодець

Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатные¹⁰).

Эта женитьба молодца на нелюбимой женѣ, какъ причина къ отъѣзду въ чужую сторону, составляетъ обычное начало старинъ «о молодцѣ и худой женѣ»¹¹). Но въ зачалѣ этихъ старинъ нѣтъ трехъ кораблей съ богатствомъ жены и послѣднее описано гораздо скромнѣе. Зато недовольство женою развито здѣсь гораздо пространнѣе, причемъ жалобы на жену влагаются иногда въ уста самого молодца¹²).

Такого рода мотивы, какъ неудача на службѣ и недовольство женой, представляютъ можно сказать, стереотипныя зачала, которыми слагатели пѣсень пользовались для мотивировки отъѣзда добраго молодца въ чужую страну, гдѣ съ нимъ случаются событія, составляющія главное содержаніе слагаемой пѣсни. Олонецкіе варианты о молодцѣ и Смородинѣ сочетали *оба* мотива отъѣзда

¹⁰) Рыбн. I, 82. ст. 6—23.

¹¹) Рыбн. I, № <?>, Гильф. №№ <69> и <111>, Рыбн. № <33>.

¹²) Рыбн. №№ <?>, <?>, Гильф. № <?>.

молодца — неудачу по службѣ и женитьбѣ; но вариантъ у Кирши Данилова доказываетъ, что пѣсня ходила и съ *однимъ* мотивомъ отъѣзда, неудачей по службѣ съ ея послѣдствіями. Въ виду того, что уходъ отъ нелюбимой жены умѣстенъ въ пѣсняхъ о молодцѣ и худой женѣ, которыя, представивъ гульбу молодца въ Литвѣ съ королевой, кончаются его возвращеніемъ домой и примиреніемъ съ женой, и что этотъ мотивъ не имѣетъ связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ песенъ о гибели молодца въ Смородинѣ, можно думать, что въ послѣднія старины онъ вошелъ случайно.

Возвращаемся къ дальнѣйшему сравненію Симбирской пѣсни о Добрынѣ съ олонцкими о добромъ молодцѣ.

Въ послѣднихъ сборы молодца въ чужую сторону описаны подробно и перечислены предметы, взятые имъ съ собою: добрый конь, сѣдельшко черкасское, плетка шелковая и два ножа булатные. Эти предметы внесены не случайно, а въ виду дани, которую потребуетъ за перевозъ рѣка

Смородина. Въ Симбирской пѣснѣ не находимъ этихъ подробностей: говорится только, что молодецъ «лишился своей родной страны и прѣхаль къ быстрой рѣчкѣ Смородинкѣ».

Далѣе въ Олонецкихъ вариантахъ и въ Симбирской пѣснѣ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ приводится обращеніе добраго молодца къ Смородинѣ съ вопросомъ о переходахъ—переводахъ и отвѣтъ рѣки. Сходно описано въ обѣихъ пѣсняхъ издѣвательство добраго молодца надъ рѣкою послѣ благополучнаго переѣзда. Но далѣе Симбирская пѣсня вмѣстѣ съ вариантомъ Кирши Данилова содержитъ одну подробность, утраченную олонецкими вариантами. Въ послѣднихъ молодецъ самъ замѣчаетъ, что позабылъ на той сторонѣ два ножа булатные, и ѣдетъ обратно по мостамъ калиновымъ. Въ Симбирской пѣснѣ, такъ—же какъ въ вариантѣ К. Данилова, рѣка Смородина сама человѣчьимъ голосомъ кричитъ ему, чтобъ онъ вернулся:

Воротись ты за меня, за рѣчушку;

Позабыль ты за мной, за рѣчушкой,
Два ножа, два булатныхъ...

Причемъ вариантъ К. Данилова
прибавляетъ:

На чужой дальней сторонѣ
(Они) оборона великая.

Окончаніе, значительно скомканное въ
Симбирской пѣснѣ (всего 8 стиховъ), болѣе
подробно развито въ остальныхъ
вариантахъ. Утопающій молодець
спрашиваетъ Смородину, за что она его
топить, и рѣка объясняетъ:

Не я тебя топлю, не я тебя гублю,
А топить тебя, губить честь—похвала
молодецкая¹³).

Изъ сопоставленія всѣхъ четырехъ
записей получаемъ тотъ выводъ, что
Симбирская пѣсня значительно бѣднѣе
деталюми трехъ остальныхъ и вообще ниже
ихъ по достоинству. Между тѣмъ въ ней
одной вмѣсто безымяннаго добраго молодца
мы встрѣчаемъ имя былиннаго богатыря.
Естественно является предположеніе, что

¹³) Рыбн. I, стр. 468.

имя Добрыни было введено позднѣе въ безымянную пѣсню каким-нибудь пѣвцомъ, который, быть можетъ, помнилъ кое-что о походе Добрыни на рѣкѣ Пучаѣ, или Израѣ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно въ области, гдѣ свѣжъ эпическій репертуаръ — въ Олонецкой губерніи, неизвѣстны старины, въ которыхъ погибающій въ Смородинѣ молодецъ былъ бы отождествленъ съ Добрыней Никитичемъ. Нельзя не отмѣтить и того, что въ томъ же Сызранскомъ уѣздѣ другой вариантъ о молодцѣ и Смородинѣ, доставленный также Языковымъ¹⁴⁾, не имѣетъ имени Добрыни Никитича¹⁵⁾. Итакъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ того процесса въ народной эпикѣ, который я назвалъ, «историзаціей», т. е. приуроченіе измышленнаго или фантастическаго сюжета къ историческому имени. На ряду съ переходомъ пѣсенъ именныхъ въ безымянные нужно допустить въ нашемъ пѣснопѣніи и обратный переходъ, а также вторженіе мотивовъ изъ

¹⁴⁾ Кирѣевскій, VIII, стр. 3—5.

¹⁵⁾ <?>

безымянныхъ пѣсенъ въ былины. Подтвержденіе этому можно найти въ рассматриваемыхъ Олонецкихъ пѣсняхъ о молодцѣ и Смородинѣ. Наличные факты не даютъ намъ права предполагать, что эти «старины» въ прежнее время содержали имя Добрыни и входили въ разрядъ пѣсенъ объ этомъ богатырѣ. Напротивъ, можно, кажется, констатировать вторженіе нѣкоторыхъ мотивовъ изъ безымянной пѣсни о молодцѣ и Смородинѣ въ былины о змѣборствѣ Добрыни. Такъ, переплывъ Смородину, добрый молодецъ издѣвается надъ нею и гибнетъ за свою похвальбу. Это совершенно согласно съ народнымъ убѣжденіемъ, что «гнило слово похвальное». Похвальба погубила Святогора–Самсона, Анику и даже всѣхъ русскихъ богатырей (въ извѣстной былинѣ о ихъ гибели). Но такое же издѣвательство и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ произноситъ въ нѣкоторыхъ былинахъ Добрыня, купаясь въ рѣкѣ Пучаѣ:

Мнѣ, Добрынѣ, матушка говорила,
Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала:

«Не куплися, Добрыня, въ Пучай рѣкѣ!
А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ».
А Пучай рѣка да есть смирна крута,
Какъ будто лужа вѣдь дождевая¹⁶).

Здѣсь издѣвательство Добрыни (находимое лишь въ незначительномъ числѣ вариантовъ) не ведетъ за собою никакой мести со стороны рѣки Пучая. Такой местью нельзя считать нападенія змѣя Горыныча, такъ какъ, если бы появленіе змѣя и было местью со стороны рѣки, то эта месть не достигаетъ цѣли: Добрыня не пострадалъ за свою похвальбу, но справился съ чудовищемъ.

Очень вѣроятно поэтому, что здѣсь въ былинѣ такая же случайная вставка изъ разсмотрѣнной нами пѣсни, какъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ того же сюжета находимъ вставку изъ былинъ о купаньѣ Василя Буслаева въ Іерданѣ (дѣвицы—портомойницы, запрещающія богатырю купаться нагимъ тѣломъ¹⁷).

¹⁶) Гильфердингъ № <?>, и Рыбниковъ I, <24>, III, <13>.

¹⁷) См. Экскурсы, гл. II.

Выше я предположилъ, что имя Добрыни Никитича было вставлено въ безымянную пѣсню какимъ-нибудь пѣвцомъ, помнившимъ кое-что изъ былины о купаньѣ Добрыни въ Пучаѣ. Если мы припомнимъ нѣкоторыя черты послѣднихъ былинь, то возможность ихъ воздѣйствія на вставку имени Добрыни намъ представится болѣе осязательной.

Мы видѣли, что въ лучшихъ записяхъ пѣсни о молодцѣ и Смородинѣ открываются изображеніемъ «безвременья», особенно неудачи молодца по службѣ. Нѣкоторыя былины о змѣборствѣ Добрыни начинаются той же жалобной нотой: Добрыня, не выслужившій у князя ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго¹⁸⁾, жалуется матери на свои неудачи и спрашиваетъ:

Для чего ты меня несчастнаго породила,
Несчастнаго, неталаннаго¹⁹⁾

Какъ въ пѣснѣ о Смородинѣ безталанный молодецъ уѣзжаетъ къ рѣкѣ, такъ Добрыня, простившись съ матерью,

¹⁸⁾ Кирѣев. II, стр. 45.

¹⁹⁾ Гильф. № 3. Рыбн. I, 23; ср. тотъ же мотивъ въ былинахъ о Добрынѣ и Алешѣ, Рыбн. I, 25, Гильф. № 149.

отправляется на Пучай-рѣку. При
нѣкоторомъ сходствѣ этихъ ситуаций
немудрено, что безымянный добрый
молодецъ въ одномъ пересказѣ могъ
получить имя Добрыни.

Вс. Миллеръ.
